

Внешний мир ничего не знал об этих событиях, но в кругах индустрии все были в курсе: Шэнь Тинъюнь нажил врага в лице Чэнь Бэйшаня и был заблокирован. Некоторые сожалели о нём, но большинство злорадствовало за его спиной, считая, что он сам напросился на неприятности. Только начал карьеру, а уже возомнил себя звездой, осмелился перечить Чэнь Бэйшаню — теперь пожинает плоды!

Лю Сянхань уже слышал множество подобных насмешек, но у него не было времени злиться. Единственное, что его беспокоило, — это судьба Шэнь Тинъюня. Он даже обращался за помощью к Му Юйяну, но тот тоже оказался бессилён. Ведь в индустрии мало кто осмеливался перечить Чэнь Бэйшаню, а уж тем более Шэнь Тинъюнь, который публично унизил его. Чтобы окончательно уничтожить его, Чэнь Бэйшань даже привлёк группу Су, от имени которой были прекращены все его проекты.

Лю Сянхань чувствовал себя виноватым. Шэнь Тинъюнь попал в беду, защищая его. Если его действительно заблокируют, он будет винить себя всю жизнь. Однако сам виновник событий, казалось, не обращал на это внимания, продолжая жить как ни в чём не бывало: ел арбуз, обнимал собаку и смотрел стендап-шоу, время от времени раздражаясь смехом, словно наслаждался жизнью больше всех.

— Как ты можешь смеяться! — с раздражением воскликнул Лю Сянхань.

Шэнь Тинъюнь обернулся, улыбка ещё не успела сойти с его лица:

— Разве не смешно? Этот ведущий довольно остроумен.

— Я не об этом! — Лю Сянхань сердито посмотрел на него, забрал у него половину арбуза и отставил в сторону. — Ты потерял все проекты, как ты можешь не волноваться?

— Беспокоиться бесполезно, — спокойно ответил Шэнь Тинъюнь. — Лучше порадоваться жизни.

— Но нельзя же просто сидеть сложа руки! Если так пойдёт дальше, тебя действительно заблокируют.

Лю Сянхань опустил голову.

Шэнь Тинъюнь перестал шутить и легонько погладил его по голове:

— На самом деле всё не так плохо, как ты думаешь. Я потерял только несколько программ, но съёмки в фильме продолжаются. Главное, что я смогу сниматься с тобой.

Лю Сянхань поднял голову, его беспокойство было очевидным.

Он не разделял оптимизма Шэнь Тинъюня. Чэнь Бэйшань не был человеком, склонным к милосердию. Если он не пощадил программы, то вряд ли позволит ему продолжать сниматься.

Как и ожидалось, как только Шэнь Тинъюнь закончил говорить, позвонил Цзи Тан.

— Секретарь режиссёра Коу только что позвонил мне и сказал, что насчёт роли нужно подумать.

Лю Сянхань, находившийся рядом, отчётливо услышал слова Цзи Тана. Его сердце сжалось — это произошло.

Шэнь Тинъюнь не удивился, спокойно ответив: «Понял», но, когда он повесил трубку, Лю Сянхань заметил мелькнувшую на его лице тень разочарования. Его взгляд стал беспокойным.

Шэнь Тинъюнь слегка улыбнулся, объясняя:

— Мне просто жаль, что я не смогу сниматься с тобой.

— Может быть... — Лю Сянхань неуверенно предложил, — мы извинимся перед Чэнь Бэйшанем?

Едва он произнёс эти слова, улыбка на лице Шэнь Тинъюня исчезла. Он встал, словно ничего не произошло, и сменил тему:

— Я приготовлю тебе клубничный молочный коктейль.

Лю Сянхань открыл рот, чтобы что-то сказать, но в итоге промолчал. На самом деле он сразу пожалел о своих словах. Хотя он не знал, какие именно конфликты связывали Шэнь Тинъюня с семьёй Су, но его неприязнь к ним была очевидной. Он даже не хотел разговаривать с людьми, связанными с Су, не говоря уже о том, чтобы склониться перед Чэнь Бэйшанем.

Шэнь Тинъюнь быстро приготовил клубничный молочный коктейль, розовый и аппетитный на вид. В последнее время, оставаясь дома без дела и не желая, чтобы Лю Сянхань, который восстанавливался после травмы, постоянно ел доставку, он усердно практиковался в кулинарии. Под руководством Лю Сянхана его навыки значительно улучшились, и он мог готовить разнообразные блюда, достаточные для повседневного рациона.

После обеда Лю Сянхань, как обычно, лёг вздремнуть. Шэнь Тинъюнь уложил его в постель, задернул шторы, настроил температуру кондиционера и сел у кровати, тихо сказав:

— Спи, не думай ни о чём.

Лю Сянхань натянул одеяло до подбородка, прикрыв половину лица, и, глядя на Шэнь Тинъюня, спросил:

— А что, если ты действительно больше не сможешь сниматься?

Шэнь Тинъюнь беззаботно улыбнулся:

— Тогда продолжу путешествовать по миру. В мире так много профессий, мне не обязательно быть актёром. К тому же я не такой, как ты, я не люблю актёрскую игру. Когда-то я согласился на эту профессию просто потому, что она показалась мне интересной, я не думал, что буду этим зарабатывать на жизнь.

Лю Сянхань не удержался от вопроса:

— Ты действительно стал актёром только потому, что это было интересно?

— Можно сказать так, но главная причина заключалась в том, что я хотел узнать тебя лучше.

— Узнать меня? — Лю Сянхань был удивлён.

Шэнь Тинъюнь потер нос, говоря на эту тему с редкой для него скромностью:

— На самом деле, когда я узнал, что ты стал артистом, я был очень удивлён. Твой характер совсем не подходит для шоу-бизнеса, и мне стало любопытно, что же такого привлекательного в этой сфере. Потом ты начал сниматься в фильмах, и мне это показалось ещё более невероятным. Я понял, что знаю о тебе слишком мало. Как раз в то время я встретил режиссёра Цзяна в Европе, и он спросил, не хочу ли я сняться в фильме. Я решил, что это хорошая возможность узнать тебя лучше, и согласился.

Лю Сянхань слушал молча:

— Ты хочешь сказать, что ты... стал актёром из-за меня?

Шэнь Тинъюнь улыбнулся и кивнул, погладив его по голове:

— Но я не ожидал, что это повлечёт за собой столько проблем. Прости, я тебя подставил.

Лю Сянхань молча покачал головой, сжав руки под одеялом, и тихо, с ноткой волнения, спросил:

— Почему ты хотел узнать меня лучше?

Шэнь Тинъюнь слегка приподнял бровь и переспросил:

— Разве я не должен был?

Голова Лю Сянхана, опьянённая радостью, немного прояснилась, и он спросил более спокойно:

— Это из-за моей сестры?

Потому что я её брат, и ты перенёс свою любовь на меня?

Но Шэнь Тинъюнь покачал головой и с шутливой серьёзностью ответил:

— Разве нашей дружбы, которая длится больше года, недостаточно?

Лю Сянхань почувствовал, как его щёки покраснели, и натянул одеяло повыше:

— Отвали, кто с тобой дружил.

Шэнь Тинъюнь тихо засмеялся, поправил его растрёпанную чёлку и сказал:

— Ладно, спи, всё остальное обсудим потом.

— Хорошо.

Лю Сянхань закрыл глаза.

Шэнь Тинъюнь оставался рядом, пока тот не уснул, и только тогда тихо вышел из комнаты.

Лю Сянхань спал беспокойно. Как только он закрывал глаза, в голове всплывали слова Шэнь Тинъюня, и сердце наполнялось сладостью. Во сне он даже время от времени хихикал, и через полчаса сон пропал.

Дверь была приоткрыта, и, едва открыв глаза, Лю Сянхань услышал приглушённый разговор в гостиной. Голоса принадлежали Шэнь Тинъюню и Цзи Тану.

Цзи Тан обычно не приходил к ним домой, если дело не касалось работы, так что его визит, скорее всего, был связан с последними событиями. Лю Сянхань не стал спешить, подошёл к двери и, прижавшись к ней, стал слушать.

Голос Цзи Тана звучал устало:

— Ты был слишком импульсивен. Даже если ты злился, нельзя было так открыто противостоять Чэнь Бэйшаню.

Шэнь Тинъюнь молчал.

Вскоре раздался раздражённый голос Цзи Тана:

— Хватит гладить собаку! Я с тобой разговариваю!

— Я слышу, — медленно ответил Шэнь Тинъюнь. — Но что случилось, то случилось. Твои слова уже ничего не изменят.

— Ты...

Цзи Тан запнулся, его дыхание стало тяжелее. Лю Сянхань почувствовал жалость к агенту. С таким непробиваемым отношением, как у Шэнь Тинъюня, любой бы сошёл с ума. Судя по всему, Цзи Тан обладал завидным терпением, раз до сих пор не сорвался.

— Что ты собираешься делать?

Шэнь Тинъюнь:

— Ты же агент, разве это не твоя работа?

Цзи Тан приподнял бровь:

— Значит, ты готов меня слушать? Тогда вот моё предложение: извинись перед Чэнь Бэйшанем и попроси прощения... Ладно, я знаю, что это невозможно. Тогда остаётся только один вариант.

— Какой?

— Смирись перед отцом и попроси его вмешаться. Тогда все проблемы решатся сами собой.

<http://bllate.org/book/15539/1382200>